

Лица

СПАСИ И СОХРАНИ!

Де-то в середине декабря, блуждая по тбилисским телеканалам, я вдруг наткнулся на знакомое лицо.

Известный журналист Тенгиз Пачкория внимательно слушал молодого коллегу, который «учил» его умуразуму.

Что правильно, а что неправильно.

Что нужно, а что не нужно говорить, когда рассуждаешь о грузино-абхазском конфликте.

Человек, никогда не слышавший свиста пуль, понятия не имеющий, что ты чувствуешь, когда на тебя сыплются бомбы, когда на твоих глазах гибнут близкие люди, поучал человека, который все это пережил.

У которого при прямом попадании в его сухумский дом 500-килограммовой бомбы в развалинах погиб отец, а он сам и его мать получили тяжелейшие ранения.

Потом Тенгиз, с присущей ему жесткой откровенностью, ответил.

И от оппонента ничего не осталось, кроме мокрого места.

Но дело не в этом.

Через несколько дней в наших электронных СМИ разразилась целая буря.

Жесткой критике подвергся известный общественный деятель Паата Закареишвили за то, что, пытаясь содействовать освобождению из цхинвальской тюрьмы трех грузинских подростков, встретился с Эдуардом Кокойты.

Затем младший сын Звиада Гамсахурдия, Георгий, написал Закареишвили оскорбительное письмо.

Паата разместил его в Интернете.

Журналисты некоторых телеканалов с плохо скрываемым удовольствием смаковали «избранные места» из этого, полного нецензурицы, послания. Брели интервью у его автора. Не сознавая при этом, что письмо выходит за рамки личных оскорблений одного конкретного человека. Что оно – нравственный тест для них самих, для каждого из нас в отдельности и для всего общества в целом.

Так откуда и куда мы идем?!

Осенью 1992 года я начал работать в Республиканском комитете по защите прав человека. Его руководителем был одновременно Личным Полномочным представителем Эдуарда Шеварднадзе по урегулированию конфликта в Абхазии.

Он регулярно встречался с абхазскими представителями. Вел с ними переговоры в Сухуми, Гудаута, Пицунде, Новом Афоне, Сочи.

В этих поездках я, как правило, его сопровождал.

Перед одной из них

заместитель председателя нашего комитета Александр Оганезович Мовсесян мне говорит:

- Дэви, у моей бывшей сослуживицы еще с августа в Гаграх у родственников остался сын-подросток. С тех пор они о нем ничего не знают. Если сможешь, помоги разыскать.

Звоню в Гудаута к сыну Валериана Османовича Кобахия, Беслану, которого я знал с довоенных времен. Он тогда занимался подобными вопросами с абхазской стороны.

- Беслан, помоги!
- Хорошо, все сделаю, разыщу.
- Беслан, только так, чтобы ребенку не было хуже.

Беслан даже не обиделся, удивился:

- Дэви Исмаилович, я же дал вам слово!

Через два дня мы были на Пицунде. Переговоры проходили в санатории «Самшитовая роща».

У входа, на ступеньках, рядом с часовым, меня уже дождался маленький мальчик. А вечером его уже обнимали родители.

Я был страшно горд своим «подвигом». И еще очень долго рассказывал друзьям и просто знакомым, как вернул родителям сына.

Но был у нас в комитете человек, который никому ничего не рассказывал. Который не летал на переговоры. Который десятки, сотни раз сам переходил линию фронта, организовывал обмен военнопленных, возвращал мертвых живым, разыскивал без вести пропавших, помогал вернуть к жизни сотни людей. Который своими глазами видел страшную, порой постыдную, изнанку войны, о которой даже сегодня, спустя 17 лет, говорить трудно.

Этим человеком был Паата Закареишвили.

После очередной командировки Паата появлялся в комитете, как всегда, сосредоточенный, молчаливый, с неизменной брезентовой сумкой через плечо. В ней лежали толстые тетради, исписанные мелким бирюзовым почерком. С сотнями фамилий, адресов, анкетных данных разных людей.

Однажды я пошутил:

- Паата, ну что нового в твоих «давтарях»?

Паата шутку не подержал:

- Это не «давтары». Это судьбы людей. Живых и мертвых. Мертвые тоже нуждаются в заботе живых.

Мне расхотелось шутить.

А потом Паата пропал. Перешел на другую сторону и пропал. В Гудаута тоже о нем ничего не знали. Только недели через две появился в комитете худой, осунувшийся.

Молча прошел в кабинет Навсадзе. Они долго о чем-то говорили. И все. На этом инцидент был исчерпан. Паата продолжил свою работу по обе линии фронта.

И вот сейчас, спустя 17 лет, мы сидим в его небольшом, скромном кабинете и беседуем.

- Паата, а что, все-таки тогда случилось, когда ты пропал на две недели?

- И тогда, и, по крайней мере, еще два раза я просто «обязан» был погибнуть. Но

не погиб. Это не может быть просто случайностью. Однозначно могу сказать: именно на войне я приблизился к Богу. Я чувствовал, как он постоянно меня ведет. Чувствовал его поддержку. На каждую гуманитарную операцию я шел с молитвой и возвращался с молитвой.

Бог хранил Паату Закареишвили, в юности скромного пономаря, или, как говорят по-грузински, «стихарию», который помогал в ведении церковной службы Патриарху Илию II.

А потом был вуз. Философский факультет Казанского университета. Знакомство с трудами величайшего грузина XX века Мераба Мамардашвили. Потом возвращение в Тбилиси. И желание познать мир уже через духовность, через религию. Паата поступает в Духовную академию, которая только что открылась в Тбилиси по инициативе Илию II. Одновременно работает в комитете по защите прав человека. Занимается защитой религиозных прав граждан.

Потом была война. Паата пошел на войну. На свою войну.

За спасение жизней незнакомых ему людей.

17 лет назад этот вопрос меня как-то не волновал. А сейчас я спросил:

- Паата, как ты согласился добровольно рисковать жизнью? Ведь уже тогда у тебя было трое детей? Почему?

- Я не согласился, я добился этой работы. Я считал, что смогу ее выполнить лучше, чем другие. Я обязан был ее делать. Может быть, именно потому, что у меня было трое детей.

Ни сейчас, а тем более в начале своей миротворческой деятельности Паата Закареишвили внешне не производил впечатление рафинированного интеллигента. И те, кто такое впечатление производил, очень удив-

лялись и обижались на представителей зарубежных миротворческих организаций, которые предпочитали сотрудничать с Паатой, а не с ними.

Почему?

Из-за его опыта гуманитарной работы во время войны? В определенной степени, конечно. Потому что любя, даже самая банальная, истина наполняется новым содержанием, если ты ее эмоционально прочувствовал на своем жизненном опыте.

Но только ли это?

- Паата, произошли ли изменения в твоих взглядах? Как ты смотришь на войну в Абхазии 17 лет назад и как ты смотришь сегодня?

- Конечно, произошло. Вначале я думал, что война очень быстро закончится. Но когда начал ближе знакомиться с абхазами, бывать на абхазской стороне, слушать разговоры об их проблемах, то начал понимать, что у абхазов есть своя правда. И если ее не учитывать, проблему решить нельзя.

Чем больше я общался с абхазами, тем лучше понимал: войны можно было бы избежать. На 99 процентов можно было бы избежать. Лишь один процент был в пользу войны. К сожалению, именно он и был использован.

- Почему?

- Развал СССР высвободил огромный заряд национальной энергии у всех народов бывшего СССР.

Рациональное, измеримое с реальными жизнями, ее использование было важнейшей задачей. К сожалению, мы не смогли ее решить.

- Почему?

- Наш исторический опыт сыграл с нами злую шутку. Мы посчитали, что раз у нас уже была государственность, то заново ее построить мы сможем лучше и быстрее других. Оказалось, что это не так. Государство нельзя построить за счет традиций, за счет своих предков.

Нужен новый опыт и новое видение.

- В чем разница между Паатой Закареишвили 92-93 годов и сегодняшним Паатой Закареишвили?

- С годами человек становится опытнее, мудрее. Я стал большим реалистом.

Раньше, вместе со всеми, я считал, что главное – получить независимость. И все сразу будет прекрасно. Оказывается, нет. Это лишь начало трудного процесса. Начало, а не конец. Мы к этому были готовы.

И я, в том числе.

Как змея меняет кожу, так и нам еще предстоит снять старую одежду и примерить новую одежду гражданского общества, современного цивилизованного мира. А мы все еще хотим в старых, традиционных одеждах войти в Европу. Так не получится.

Я хочу, я стараюсь снять, освободиться от одежды национализма. Сегодня они мешают.

В советское время эти одежды помогали жить. Без них невозможно было защитить свою идентичность в империи. Но как только ты получишь право строить свою государственность, рядом с тобой, вместе с тобой ее должны строить все народы, населяющие твою страну.

Ты должен не только признавать их право на это, но и предоставлять соответствующие рычаги для выполнения данной задачи.

Одних словесных заверений недостаточно. У каждого народа свои страхи, свои опасения. Каждый заботится о сохранении своей идентичности.

Если мы утверждали ее в борьбе с советской империей, то абхазы – и в борьбе с грузинским национализмом.

Я не согласен с Сахаровым, что Грузия была малой империей, но Грузия была и, к сожалению, пока остается страной, где другим народам не очень-то уютно живется. Где они

активно не вовлечены в общественно-политическую жизнь страны, где они зачастую чувствуют себя гражданами второго сорта. Для которых строительство грузинской государственности не является первоочередной, приоритетной задачей. И удовлетворение своих личностных амбиций они, в зависимости от национальности, связывают с Арменией, Азербайджаном или Россией.

И это наша проблема.

Мы должны измениться. Иначе мы государства не построим. Это не выбор между хорошим и плохим. Это выбор между государством и негосударством.

К сожалению, людей, которые думают так, как я, в Грузии меньшинство. Большинство не разделяет моих взглядов, и это меня беспокоит.

- Паата, вот ты сказал, что необходимо сбросить с себя старую кожу, примерить европейские одежды. За счет чего в тебе произошла такая трансформация? Может, это результат общения с широким кругом европейских образованных людей?

- Я бы так не сказал. В этот «широкий круг» я вошел уже тогда, когда думал, как они. Гораздо большее значение для меня имело общение с абхазами и осетинами. Больше, чем европейцы, меня изменили абхазы и осетины.

Я понял, что, не учитывая, не опереживая их проблемы, мы сами не сможем жить достойно и счастливо. Как мне кажется, именно поэтому представители европейских миротворческих структур начали со мной сотрудничать. Они увидели во мне единомышленника. Человека, схожего с ними по образу мышления.

- Паата, ты говорил, что во время войны ты чувствовал рядом с собой присутствие Бога. А сейчас ты общаешься с Богом?

- Так нельзя сказать. Я не считаю, что общаюсь с Богом. С Богом общался Моисей.

Ты не общаешься с Богом, ты живешь вместе с Богом. Ты постоянно чувствуешь его присутствие. Это как воздух. Ты же не общаешься с воздухом. Ты его чувствуешь. Пока он есть, ты дышишь свободно. Никаких проблем нет. Ты не чувствуешь воздуха. Ты чувствуешь, когда воздуха не хватает.

Я не общаюсь с Богом. Но я постоянно чувствую его поддержку.

Если ты живешь по законам Евангелия, у тебя все получится.

Христианство – это образ жизни.

Я счастливый человек.

- Да, но оппоненты пытаются тебя унижить, оскорбить.

- Свободного человека никто унижить не может. Кроме его самого.

А оскорбить?!

Люди святых забивали камнями. А я кто такой? Я часть своего общества. И должен принимать его таким, какое оно есть. Надо находить в людях то хорошее, что в них заложено.

- Паата, одна из дочерей российского императора Николая II в ночь перед казнью записала в своем дневнике: «Господи, спаси и сохрани врагов наших. Они не ведают, что творят».

Ты молишься за своих врагов? Или, скажем более корректно, за оппонентов?

- Нет, не молюсь. Может, в этом моя слабость, мое несовершенство как христианина, но не молюсь.

Мераб Мамардашвили говорил: «Истина мне дороже Родины». Он говорил так не потому, что не любил, а потому, что больше всего любил Родину. Он понимал, что только через истину его Родина, его Грузия может быть счастливой.

Я, во всяком случае, сознательно, никогда никого не обманываю. Ни жену, ни детей, ни своих партнеров по переговорам.

Стараюсь жить по заповедям Евангелия. Мои дети получили начальное образование в православных церковных школах.

Повторяю, я счастливый человек, потому что счастье – это когда счастливы ты и люди вокруг тебя. Надо получать удовлетворение от того, что тебе дается, а не искать того, чего тебе не хватает.

Окончание на 4-й стр.